

— Снять юбку?

Хань Цзинь, услышав такой вопрос, на миг опешил. Он поднял взгляд и увидел, что прекрасные глаза маленькой принцессы подернулись влагой. Она была так напряжена, что ее тонкие пальчики подрагивали, а от страха она робко прижалась к его плечу, затаив дыхание.

В горле у него вдруг запершило, и это странное ощущение опустилось ниже.

Неужели маленькая принцесса не понимает? Чем больше она выказывает такую робость перед ним, тем сильнее разжигает в нем, как в человеке, привыкшем брать свое, желание сломить ее, подчинить, обладать ею. Ему хотелось дойти до крайности, навалиться на нее сверху и, разрывая шелка, целовать, чтобы хоть немного утолить тот призрачный голод, что мучил его в бесчисленных снах.

И все же... он не мог видеть, как его нежная принцесса плачет перед ним. Она и так раскраснелась от простого объятия, если он поспешит, то наверняка доведет ее до слез.

Он добьется своего — рано или поздно, он в этом не сомневался, — а потому спешить некуда.

Тем более что из-за проделок Хань Яна и Великой государыни в его теле все еще оставались следы давних ядов и гу, которые не были до конца изгнаны. В моменты сильного возбуждения он легко терял рассудок, впадая в безумное наваждение.

Он прекрасно осознавал, какой роковой притягательностью обладала для него Нин Фу. Даже спустя годы, когда он мог любоваться ее ликом лишь в пустых ночных кошмарах, он уже сходил с ума от желания. Что уж говорить о том, что будет, если он прикоснется к ней по-настоящему? Хватит ли у него сил сдержать нахлынувший поток чувств, чтобы не причинить ей боли своей грубостью?

Он не смел рисковать. По крайней мере, сейчас.

Хань Цзинь отвернулся, пряча свои мысли, и помог ей усесться на письменный стол у окна. На этот раз он вел себя как истинный джентльмен, не позволяя лишнего, и даже постелил на столешницу несколько листов простой рисовой бумаги, чтобы край стола не повредил дорогую ткань ее платья и не вытянул из него нити.

Живя в этом захудалом дворике в качестве раба из Наньюэ, он не мог рассчитывать на особые удобства. То, что у него вообще нашлись бумага и кисть, уже было проявлением милости принцессы.

Бумага, которую он подстелил, была низкого качества: грубая, с неровными краями и слишком рыхлая. Писать на такой — одно мучение, зато у нее было одно неоспоримое достоинство: она не пропускала чернила.

Нин Фу нервно теребила пояс своего платья и отвела взгляд, словно выражая недовольство.

— Твоя награда — сплошное мучение. Слишком много условий.

Хань Цзинь задержал на этом взгляд, словно о чем-то задумавшись, а затем в глубине его глаз что-то потемнело. Он вдруг подумал, что у этой бумаги есть и другое применение.

Правда, до того момента, когда это станет возможным, еще далеко.

Он возьмет кисть, обмакнет ее в белые чернила, и они потекут по бумаге, пока влага не пропитает ее насквозь, обнажая и кожу, и саму бумагу.

Хань Цзинь догадался о ее мыслях и слегка приподнял бровь. Ничего не сказав, он молча отступил на полшага, чтобы дать маленькой принцессе больше пространства.

Он просто стоял, невозмутимо принимая ее упреки.

Видя такое спокойствие, Нин Фу еще больше разозлилась. Подавив эмоции, она отвела глаза и снова подчеркнула:

— То, что случилось только что, ты не должен рассказывать никому. Даже Бо Цину.

— Не расскажу, — ответил он, наконец отвечая на ее прежний наивный вопрос, и поднял руку, чтобы поправить выбившуюся прядь ее волос.

Если бы она знала заранее, что он потребует подобного, ни за что не согласилась бы.

Нин Фу по-прежнему сидела на краю стола. Деревянный край впивался в нее, причиняя неудобства, и, не выдержав, она чуть подалась вперед. Заметив, что он пристально смотрит на нее, она невольно насторожилась и замерла, боясь, как бы он не выкинул еще какой-нибудь странный номер.

Он глубоко посмотрел на Нин Фу, мечтая о том дне, когда принцесса сама подарит ему картину, написанную ею для него.

Глядя на ее смущение, Хань Цзинь беззвучно усмехнулся и, изогнув губы в ободряющей улыбке, произнес:

— А принцесса справилась очень хорошо.

— Замолчи!

Даже если он хотел заполучить луну, делать это нужно было шаг за шагом.

Никогда прежде она не видела столь назойливого просителя. Обычного объятия ему было мало — он потребовал, чтобы она сама обхватила его за талию, а потом еще и развела колени, чтобы прижаться плотнее. В тот момент она не просто обнимала его, а обвивала, словно морская водоросль.

Хань Цзинь ответил что-то невнятное, еще немного посмотрел на нее, а затем отступил и направился к выходу.

Нин Фу попыталась придать лицу серьезное выражение, но ее ресницы дрожали, делая ее облик еще более трогательным.

Нельзя об этом думать. Лицо Нин Фу вспыхнуло, она изо всех сил постаралась отогнать воспоминание о том, как прижималась животом к его телу.

— Не волнуйся, я обещал просить лишь об одной награде.

Не зная, куда он направляется, Нин Фу испугалась. Не раздумывая, она соскочила со стола и поспешно перехватила его за рукав.

— Ты... куда ты собрался?

Хань Цзинь удивленно остановился. Взглянув на свою одежду, которую удерживала маленькая принцесса, он приподнял бровь:

— Так тянешь за рукав... Неужели Вашему Высочеству не хватило объятий?

— ...Совсем нет!

Нин Фу поспешно отдернула руку, но ее взгляд все еще был прикован к нему, в нем сквозила некая невысказанная просьба остаться.

Хань Цзинь быстро все понял. В его глазах мелькнула тень досады: неужели она и правда боится, что он пойдет разбалтывать всем об их близости?

Как он мог позволить кому-то третьему узнать об их секретах?

Проявив нехарактерное для него терпение, он тихо проговорил:

— Я скоро вернусь. Будь послушной и жди меня.

Нин Фу посмотрела на него влажными глазами и мягким голосом переспросила:

— Куда ты все-таки идешь?

Хань Цзинь опустил взгляд и нежно пояснил:

— Принесу воды, чтобы очистить платье нашей достопочтенной принцессы от грязи.

Нин Фу замерла. После того, что произошло, она совершенно забыла, что изначально пришла в этот дворик именно за водой, чтобы отчистить наряд. Опустив взгляд на пятна грязи на подоле, она на мгновение замолчала, а затем едва заметно кивнула, позволяя ему уйти.

Глядя на его уверенную походку, Нин Фу не могла разглядеть в нем и следа былой болезненности. Он выглядел таким энергичным и полным сил, хотя императорский лекарь Чэн ясно сказал, что яд поразил его глубоко и жить ему осталось недолго.

Что же здесь происходит... она никак не могла понять.

Хань Цзинь вернулся быстро. Он поставил деревянное ведро на край стола, перекинул через руку пару чистых полотенец и сказал:

— Новых нет, это мое, я им лицо вытираю. Подойдет, чтобы протереть руки?

Нин Фу на мгновение замялась, а затем негромко ответила:

— Я не настолько изнеженная.

— Конечно, достойны лучшего, — твердо произнес он.

Сказав это, Хань Цзинь наклонился, смочил полотенце в теплой воде и, мягко взяв ее за руку, начал осторожно протирать ладонь.

Нин Фу хотела отстраниться, но, видя его серьезный и почтительный вид, решила принять его услужливость.

Слуга прислуживает господину — это в порядке вещей. К тому же, после того как он позволил себе лишнее, вполне справедливо заставить его поработать.

Подумав так, Нин Фу почувствовала себя немного легче.

Закончив с руками, он выпрямился, отложил влажную ткань и, не спрашивая разрешения, подхватил ее одной рукой и снова посадил на стол.

— Ты...

Снова объятия...

Хань Цзинь оставался невозмутимым.

— Так будет удобнее привести в порядок платье Вашего Высочества.

Нин Фу молчала. Ее руки невольно вцепились в его плечи, дыхание сбилось. Она никак не могла понять, почему он ведет себя так естественно, будто их прикосновения — нечто само собой разумеющееся, а она уже принадлежит ему.

Она хотела поставить его на место, чтобы он перестал намеренно сбивать ее с толку. Сжав пальцы в кулаки, она серьезно произнесла:

— А Цзинь, я говорю серьезно. Раз ты признал меня своей госпожой, прислуживать мне — твой долг. Но ты должен делать только то, что я прикажу, и не проявлять самовольства. В этот раз я прощаю тебя, но ты меня слышишь?

Не смей больше самовольно обнимать, самовольно касаться талии, самовольно... раздвигать ее ноги.

На сердце у нее было беспокойно. Она даже сама не понимала, кого убеждает в этом: его или себя.

Хань Цзинь прищурился и повторил последние слова:

— Прислуживать, говоришь?

Нин Фу не хотела показывать слабость. Она напустила на себя величественный вид, присущий принцессе, и бросила:

— А что, разве нет? Или ты не хочешь?

Хань Цзинь подумал и просто ответил:

— Пожалуй, это предел моих желаний.

Нин Фу осталась удовлетворена его ответом. Она уже собралась приказать ему опуститься на колени и протереть левый край юбки, как вдруг он легко перехватил ее за лодыжку. Она вздрогнула, не успев среагировать, а он спросил:

— Туфли принцессы тоже испачкались. Позвольте мне снять их?

В государстве Да Ли женские ножки считались предельно интимным местом. Нин Фу пришла в ужас, забыв при этом о его неуместном обращении.

Подданный?

Он здесь всего лишь раб, у него нет ни должности, ни титула, чей он может быть подданный?

Но у Хань Цзиня были свои причины называть себя так.

Конечно, он не был подданным Да Ли и не собирался склоняться ни перед какой властью в мире. Но здесь была женщина, которая пленила его сердце, поэтому он добровольно опустил голову и преклонил колени, став рабом у ее ног.

Раб у ног — да, он признавал это.

Нин Фу не заметила глубины его взгляда. Она хотела вырвать ногу, но когда это не удалось, поспешно произнесла:

— А Цзинь, не нужно трогать обувь, просто протри грязь с подола.

Он словно не слышал ее. Не отпуская ногу, он, на глазах у изумленной девушки, одним движением пальца сбросил изящную бледно-розовую туфельку.

— ...Ах, не надо! — она по-настоящему испугалась.

Придворные наставницы не раз повторяли им: обувь девушки из Да Ли не должен трогать чужак. Лишь будущий муж в брачную ночь может снять ее и коснуться ее ног — таков обычай.

Хотя Нин Фу и считала старые обычаи скучными, она все же боялась нарушать их.

Но пока она боялась, нашелся смельчак, который посмел пойти наперекор!

Более того, он был чужеземцем и знать не знал об этих запретах. Увидев ее чрезмерную реакцию, он спокойно пояснил:

— Они грязные.

Нин Фу закусила губу, не смея и слова сказать.

Она подумала: если она начнет объяснять ему глупые обычаи, этот варвар наверняка лишь посмеется над ней. Даже если не скажет в лицо, то в душе точно осудит.

Но если она не объяснит сейчас, он бесцеремонно снимет и вторую туфлю.

— А Цзинь, пожалуйста, не надо...

От сильного напряжения ее голос дрожал, становясь необычайно мягким и нежным.

Дыхание Хань Цзиня стало тяжелым. Он поднял голову, слегка нахмурившись, словно сдерживаясь:

— Ваше Высочество, не могли бы вы быть милосердны и не издавать подобных звуков?

Нин Фу не поняла его и удивленно захлопала ресницами:

— Что?

Он не стал вдаваться в подробности. Оставаясь в той же позе, он посмотрел на нее снизу вверх и многозначительно добавил:

— Особенно когда я нахожусь у ваших ног.

Сказав это, не дожидаясь, пока она осмыслит его слова, Хань Цзинь, не сводя с нее хищного взгляда, неспешно и решительно снял туфлю и с другой ноги.

Его рука плотно сжимала ее лодыжку.

Он окончательно нарушил все запреты.

<http://bllate.org/book/21012/2136241>